

© Д.А. Москвина
 Рец. на: *Larson F. Undreamed Shores: The Hidden Heroines of British Anthropology*. London: Granta Books, 2021.

«Эти пять женщин были не просто авантюристками» — пишет Френсис Ларсон о героинях своей книги¹. Кэтрин Раутледж (1866–1935), Уинифред Блэкман (1872–1950), Барбара Фрейре-Марреко (1879–1967), Мария Чаплицкая (1884–1921) и Беатрис Блэквуд (1889–1975) были первыми женщинами-антропологами Великобритании. Раутледж, добравшись на сделанной по ее заказу лодке на остров Пасхи, занималась исследованием практически не изученного, изолированного населения, Чаплицкая стала первой преподавательницей, трудоустроенной на полный рабочий день в Оксфордском университете, Блэкман прожила в своем поле без малого двадцать лет, Фрейре-Марреко была одной из двух первых студентов, державших экзамены на получение диплома по антропологии в Оксфорде, а Блэквуд передала в коллекцию Музея Питт-Риверса около семи тысяч предметов... «Но прежде всего, они были женщинами, и как женщины они сталкивались с укоренившимися предрассудками и ограничениями на каждом шагу» (Larson 2021: 12).

Книга Френсис Ларсон разделена на девятнадцать глав, каждая из которых погружает читателя в значимые для ее героинь временные отрезки. Повествование динамично и рассредоточено, текст представляет собой параллельное

Москвина Д.А., аспирантка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), лаборант, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). damoskvina@edu.hse.ru.
<https://orcid.org/0000-0003-3856-1009>.

Для цитирования: Москвина Д. А., Рец. на: Larson F. *Undreamed Shores: The Hidden Heroines of British Anthropology*. London: Granta Books, 2021 // *Антропологии/Anthropologies*.2022. № 2. С 259–265, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2022-2/259-265>.

¹ Публикация выполнена при поддержке РНФ (проект № 22–18–00241); организация, осуществляющая финансирование — Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН).

развитие пяти сюжетных линий. Вместе с Ларсон мы перемещаемся во времени, зарисовки наслаиваются друг на друга, судьбы пересекаются и обрываются. Через частные истории каждой героини раскрываются контекстуально значимые детали. Общим планом для этого исследования является положение женщин в обществе и, в частности, в университетской и академической среде. В то время женщины виделись в лучшем случае потенциальными ассистентками или машинистками, но отнюдь не самостоятельными исследовательницами. Несмотря на то, что они имели право держать выпускные экзамены, получить свои заслуженные степени они не могли вплоть до 1920 г. (Larson 2021: 12). В связи с этим осуществление полевых исследований — будь то в Сибири или на острове Пасхи — было для героинь книги настоящим событием. Связанной с этим контекстуально значимой деталью является и то, что женщинам было сложнее получить деньги на экспедиционные исследования (исключением было наличие семейного капитала, как в случае с Кэтрин Раутледж). Например, чтобы получить частное финансирование от Генри Уэллкома, «женщины должны были предоставить рекомендательные письма, резюме и письменный план исследований, <...> подписать договор, в котором оговаривалось, что они передадут каждый артефакт, который попадет в их руки, в коллекцию Уэллкома». В схожей ситуации мужчины-исследователи «просто получали чек и отправлялись в свои путешествия» (Larson 2021: 10). Важно также отметить и то, что заключение брака было переломным моментом в профессиональной жизни женщин, который «перестраивал отношения и приоритеты» (Larson 2021: 13) и чаще всего негативно сказывался на академических амбициях.

Это рассказ антрополога об антропологах, повествование о прошлом, являющемся для Ларсон полем (*field site*). Френсис Ларсон эксплицитно не заявляет о концептуальной рамке, через которую книгу следует читать. В тексте отсутствуют сноски (они доступны как отдельное приложение к книге на персональном сайте Ларсон): читатель намеренно оставлен один на один с насыщенным описанием и страница за страницей «входит в поле» за антропологом, знакомится с его ключевыми информантами. В концептуальном плане открыт и финал текста, а потому лаконичное, но предельно детальное повествование о пяти женщинах-антропологах служит толчком для выхода на целый ряд теоретических дискуссий.

Ларсон описывает профессиональные траектории своих героинь в переходное время формулировки канонов полевого и, шире, антропологического исследования. В поле на Соломоновых островах Беатрис Блэквуд читала книги «Взросление на Самоа» и «Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии», находясь в постоянном сомнении, что ей удастся показать новую перспективу и найти что-то, что не было описано до нее Маргарет Мид и Брониславом Малиновским (Larson 2021: 175). Кроме того, Ларсон подробно описывает момент перед отбытием Блэквуд на Соломоновы острова: совместно с Реймондом Фертом, она составила план своей полевой работы «согласно Малиновскому». Любопытный случай, который Ларсон связывает с появлением новой культуры восприятия полевой работы, а именно ассоциации ее с профессиональной инициацией; подобным отношением не были пропитаны более ранние поездки других героинь книги (Larson 2021: 163). Здесь важно отметить и то, что учителя Блэквуд принадлежали к поколению, которое историк антропологии Джордж Стокинг назвал «*intermediate generation*» — его представители заняли первые профилльно-антропологические посты в университетах, не имея

при этом специального образования (Larson 2011: 76). Показательна «неловкая встреча» Блэквуд с Альфредом Рэдклифф-Брауном в 1929 г. в Сиднее, где она остановилась ненадолго по пути в свое поле. После встречи в письме Артуру Томсону, одному из своих учителей, Блэквуд писала, что Рэдклифф-Браун «дал понять, что не представляет, как [она] могла бы сделать какую-нибудь достойную работу, потому что у [нее] не было подготовки в области социальной антропологии» (Larson 2011: 79). По его мнению, никто из учителей Блэквуд «не был «настоящим» антропологом в современном смысле этого слова, поскольку они не занимались полевой работой» (Larson 2021: 157). Антропологическая традиция в Оксфорде была тесно связана с музейной работой, пополнение коллекций являлось поводом для получения финансирования на экспедиционные поездки. Это в том числе влияло и на уверенность Блэквуд в качестве проведенной ею полевой работы; подобные переживания сопровождали ее и в других ее поездках. Так, покидая племя анга в 1937 г., она понимала, что собранных предметов материальной культуры достаточно, чтобы выполнить заказ музея в лице Генри Бальфура, но совершенно недостаточно, «чтобы удовлетворить социальных антропологов на родине, которые ожидали, что она напишет подробную монографию об анга» (Larson 2021: 203).

Общий пафос работы Ларсон согласуется с существующей тенденцией к привлечению внимания к ранней истории антропологии, ко временам «до Малиновского» (Rosa, Vermeulen 2022). Можно также сказать, что книга Ларсон присоединяется к ряду работ, нацеленных на усложнение однородной картины истории ранней антропологии. Одно из таких исследований ставит целью представить историю антропологии более полно, возвращая в нее тех, кто мог быть «маргинализован в свое время и впоследствии стерт из дисциплинарной памяти» (в сборнике используется формулировка «исключенные предки» — *excluded ancestors*) (Handler 2000: 7). Новаторский вклад героинь Ларсон, прежде всего, как практиков антропологического мастерства, был упущен из виду последующими поколениями социальных антропологов: «они были отброшены как музейные коллекционеры, археологи или физические антропологи» (Larson 2021: 235).

Еще одним тематическим фокусом внутри традиции написания более инклюзивных историй антропологии является возвращение в нее «значимых других» (*significant others*) (Handler 2004). Часто ими являлись жены антропологов, например, Мэтью Энгельке пишет об Эдит Тернер, жене Виктора Тернера, которая внесла значительный вклад в идеи, которые антропологи часто ассоциируют исключительно с ее мужем. Тем самым Энгельке поднимает вопрос о статусе знания, полученного партнером, являющимся «(неофициальным) антропологическим полевым работником» (Engelke 2004: 6)². Ричард Хэндлер отмечает, что «кроме супругов к значимым другим относятся все личные связи, которые были важны для антропологов в процессе их деятельности» (Handler 2004: 3). Например, в случае Уинифред Блэкман, такими значимыми другими были члены семьи. Ее младшая сестра Элси Блэкман «вела домашнее хозяйство, пока Уинифред проводила в Египте восемь или

² О Тернерах и других супругах пишет Барбара Тедлок в своей главе для сборника *Woman Writing Culture*. Она подробно рассматривает типы работ, которые обычно выполняли жены антропологов в поле и кабинете. См. *Tedlock B. Works and Wives: On the Sexual Division of Textual Labor // Women Writing Culture / Ed.R. Behar, D.A. Gordon. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 267–286.*

девять месяцев в году», тем самым делая исследования старшей сестры возможными (Larson 2021: 213).

Героини Ларсон не являлись классическими «значимыми другими» в чьей-то карьере. С другой стороны, расширение профессиональных возможностей, например, выезд в поле, могло быть связано с необходимостью находиться в сотрудиических и партнерских отношениях с мужчинами. Кэтрин Пиз «провела много лет, пытаясь вырваться из замкнутого семейного особняка» (Larson 2021: 14), что ей в итоге удалось. Сначала Сомервилль-колледж, а после знакомство и брак с Скорсби Раутледжем дали Кэтрин возможность обрести новые для нее свободы. Родственники жениха намекали на мезальянс, говоря, что он нашёл «богатую жену, которая хотела путешествовать» (Larson 2021: 19). Этот брак, однако же, был значимым для профессиональной траектории Кэтрин: она смогла вырваться из привычного ей социального круга и заняться полевыми исследованиями вдалеке от дома (Larson 2021: 18). Пара встретила в 1905 г., когда Скорсби Раутледж вернулся из Британской восточной Африки; практически сразу они стали строить планы совместного возвращения туда (Larson 2021: 17). Результатом этой поездки стала книга *With a Prehistoric People: The Akikuyu of British East Africa*, опубликованная Раутледжами в соавторстве в 1910 г. Необычным по тем меркам для женатой пары стало ясно обозначенное разделение труда: «каждый из них написал свое собственное предисловие и обозначил собственные главы» (Larson 2021: 21), в связи с этим индивидуальный вклад Кэтрин Раутледж не растворился в общей редакции и был заметен.

Еще один концептуальный аспект, раскрывающийся на историческом материале Френсис Ларсон: отличие мужского и женского взгляда в поле и связанная с этим доступность поля как такового. Приехав в поле в 1978 г., антрополог Томас Бакли был удивлен серьезному различию между отношением племени юрок к менструации, услышанной от его друга-информанта, и существующих более ранних этнографических описаний культуры племени юрок. «Есть две точки зрения, из которых только одна, та что является «мужской», стала известной через этнографические публикации» (Buckley 1982: 52). Он сделал вывод о *double male bias*, то есть ограниченном характере «описаний мужчин-антропологов, сделанных на основе показаний мужчин-информантов» (Buckley 1982: 50). Ларсон пишет, что вклад Кэтрин Раутледж заключался в первую очередь не в том, что в результате совместной экспедиции было собрано вдвое больше этнографического материала; главное, что ей удалось поработать среди женщин народа кикую и узнать тонкости, связанные со свадьбой, детьми и личной жизнью — то, что не было бы доступно ее мужу Скорсби Раутледжу (Larson 2021: 22).

Признание уместности и объективных преимуществ женского взгляда в поле, тем не менее, не сулило героиням книги профессорской ставки или серьезной и постоянной университетской позиции. Ларсон пишет, что «женщины из Оксфорда не выдвигали сложных теорий. Они писали книги, отражающие их положение в поле: сдержанные и внимательные, их работу уважали, но не прославляли» (Larson 2021: 234). Полевое исследование в жизни мужчины было интеллектуальной инвестицией в будущий академический статус, предвляло производство влиятельных теорий и публикацию важных книг (Larson 2021: 234). Подобное предвкушение академических перспектив

и блестящего будущего было, таким образом, привилегией мужчин³. Френсис Ларсон подробно останавливается на публикациях, которые делали ее героини, и академических отзывах о них. Мария Чаплицкая подготовила рукопись своей первой книги *Aboriginal Siberia: A Study in Social Anthropology* за полтора года; эта книга была справочником, содержащим материалы, до тех пор недоступные англоязычному читателю. Редактор издательства Оксфордского университета сначала вообще отказал автору в публикации, «заявив о нехватке знаний из первых рук и критической силы» (Larson 2021: 51). Внешний рецензент посчитал книгу стоящей публикации, с комментарием что она является «конечно, не литературой, даже, если хотите, не книгой» (Larson 2021: 51–52)⁴.

«Полевая работа была больше, чем просто работой; это было освобождение», — пишет Френсис Ларсон. Возвращаясь в 1911 г. из Нью-Мексико, Барбара Фрейре-Марреко писала: «Какая возможность жить и быть настоящим человеком!» (Larson 2021: 47). Трудности и опасности в поле были частью автономии, которую они получали, находясь вдалеке от привычных им предрассудков в обществе и в профессии. Как отметила Салли Коул, в отличие от классических биографий, феминистский подход к жизнеописанию «стремится раскрыть значимость «повседневного», включенности женщин в различные отношения близости и власти» (Cole 2007: 8). История героинь Ларсон — это история больших побед и больших разочарований. Фрейре-Марреко отказалась от предложений стать лектором в университете в пользу семейной жизни и карьеры ее супруга. Чаплицкая, став первой женщиной, получившей позицию лектора в Оксфорде, была вынуждена покинуть ее по возвращении с войны преподавателя, чье место она замещала (Larson 2021: 12). Книга Френсис Ларсон будет интересна и доступна широкому кругу читателей, не случайно она опубликована в издательстве *Granta*, специализирующемся на жанре поэзии, мемуаров и *new literary fiction*. Она может послужить отправной точкой для знакомства не только с судьбами главных героинь книги, но и с важным для антропологии периодом ее «дисциплинаризации»: складывания канонов и проведения различий между любителями и профессионалами, музейщиками и полевыми.

³ Френсис Ларсон приводит в пример Бронислава Малиновского. В его посмертно опубликованных дневниках, в частности, содержатся размышления о том, как в моменты «уныния в поле» он работал «с мыслью о бессмертии, и представлял, как добавляет буквы к своему имени: FRS, CSI — Член Королевского общества, кавалер ордена Звезды Индии — даже Сэр» (Larson 2021: 234).

⁴ Подробнее об этом см. Visweswaran K. *Fictions of Feminist Ethnography*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994. Во второй главе рассматривается идея «классических этнографий», авторы которых чаще всего мужчины (Visweswaran 1994: 17). Здесь также можно упомянуть работу Катерины Лутц, которая задалась вопросом о «маскулинизации теории» (Lutz 1995: 249), имея в виду, что работы теоретического характера «часто ассоциируются с мужским письмом, а женское письмо воспринимается как данные, кейс, нечто личное» (Lutz 1995: 251). См. Lutz C. *The Gender of Theory // Women Writing Culture / Ed.R. Behar, D.A. Gordon*. Berkeley: University of California Press. 1995. P. 249–266.

Научная литература:

- Buckley T.* Menstruation and the Power of Yurok Women: Methods in Cultural Reconstruction. // *American Ethnologist*. 1982. No. 9 (1). P. 47–60.
- Cole S.* Ruth Landes: A Life in Anthropology. Critical Studies in the History of Anthropology. Lincoln: University of Nebraska Press, 2003.
- Engelke M.* The Endless Conversation”: Fieldwork, Writing, and the Marriage of Victor and Edith Turner / Richard Handler (ed.) Significant Others: Interpersonal and Professional Commitments in Anthropology // *History of Anthropology*. Vol. 10. Madison: University of Wisconsin Press, 2004.
- Handler R.* (ed.) Excluded Ancestors, Inventible Traditions: Essays toward a More Inclusive History of Anthropology // *History of Anthropology*. Vol. 9. Madison: University of Wisconsin Press, 2000.
- Handler R.* (ed.) Significant Others: Interpersonal and Professional Commitments in Anthropology // *History of Anthropology*. Vol. 10. Madison: University of Wisconsin Press, 2004.
- Larson F.* “Did He Ever Darn His Stockings?” Beatrice Blackwood and the Ethnographic Authority of Bronislaw Malinowski’ // *History and Anthropology*. 2011. No. 22 (1). P. 75–92.
- Larson F.* Undreamed Shores: The Hidden Heroines of British Anthropology. London: Granta Books, 2021.
- Lutz C.* The Gender of Theory // *Women Writing Culture* / Ed. R. Behar, D. A. Gordon. Berkeley: University of California Press. 1995. P. 249–266.
- Rosa F.D., Vermeulen H.F.* (eds.) Ethnographers before Malinowski: Pioneers of Anthropological Fieldwork, 1870–1922. EASA Series. Vol. 44. New York: Berghahn Books, 2022.1
- Tedlock B.* Works and Wives: On the Sexual Division of Textual Labor // *Women Writing Culture* / Ed. R. Behar, D. A. Gordon. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 267–286.
- Visweswaran K.* Fictions of Feminist Ethnography. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.

Book Review

Moskvina D.A. Review of: Larson, F. Undreamed Shores: The Hidden Heroines of British Anthropology. London: Granta Books, 2021. Anthropologies, 2022, no 2, pp. 259-265, doi 10.33876/2782-3423/2022-2/259-265.

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

D.A. Moskvina | damoskvina@edu.hse.ru | <https://orcid.org/0000-0003-3856-1009> | PhD student, Higher School of Economics (Saint-Petersburgh), assistant, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS.

